

береговой песокъ, который нерѣдко, послѣ сильныхъ бурь, передвигается съ мѣста на мѣсто. Но такъ какъ всѣ участники и спеціалисты, не смотря на его возраженія, стояли за планъ Пуммерера, онъ уступилъ большинству, и раскопки начались. Георгъ не переставалъ считать ихъ бесполезными и рискованными, но это не мѣшало ему съ величайшей добросовѣстностью завѣдывать работами.

Опасенія Георга Ронзена, къ несчастью, оправдались слишкомъ скоро. Предвидѣнная имъ развязка наступила и обрушилась страшной катастрофой на все семейство. Шахта уже была почти готова, какъ внезапно всѣ стихіи, повидимому, соединились для ея разрушенія. Послѣ сильной бури слой песку, въ которомъ была заложена шахта, подался, работа была отчасти засыпана пескомъ, отчасти потоплена, погибло нѣсколько человѣкъ, и въ числѣ погибшихъ былъ Георгъ Ронзенъ.

Когда для Эллы прошли первыя минуты отчаянія, она снова занялась дѣлами и главной заботой ея было—материально обезпечить Гермину. Но и тутъ ее ждалъ неожиданный ударъ. Въ бумагахъ Георга Элла не нашла новаго контракта, который онъ заключилъ съ Ульменгольцомъ, когда рѣшено было начать новыя работы. Пользуясь этимъ, Ульменголецъ засчиталъ на долю Ронзеновъ огромныя убытки, проистекшіе отъ неудачи этихъ работъ. Элла протестовала противъ этого, утверждала, что убытки по неудавшемуся предпріятію должны пасть равномѣрно на обоихъ компаньоновъ. Ульменголецъ оставался глухъ ко всѣмъ возраженіямъ; онъ отвѣчалъ, что Георгъ велъ раскопки на свой собственный рискъ, и что онъ, Ульменголецъ, не отвѣственъ за убытки. Наконецъ онъ сталъ угрожать и предложилъ Эллѣ обратиться къ судамъ. По сведенію окончательнаго расчета онъ выдалъ Эллѣ 3000 талеровъ и категорически объявилъ, что больше не намѣренъ имѣть съ ней дѣла.

Элла очутилась въ безвыходномъ положеніи. При отсутствіи законныхъ документовъ и свидѣтелей, — инженеръ Пуммереръ, который зналъ объ условіяхъ, заключенныхъ между компаньонами, исчезъ неизвѣстно куда, — при ничтожности денежныхъ средствъ, ей нечего было думать начать процессъ противъ такого могущественнаго человѣка, какимъ въ то время уже сдѣлался Ульменголецъ. Ей даже не къ кому было обратиться за совѣтомъ. Къ довершенію всего, страшныя потрясенія, вынесенныя ею за послѣднее время, сильно пошатнули ея и безъ того не особенно крѣпкій организмъ. Съ каждымъ днемъ она все больше ощущала упадокъ силъ и здоровья; она ясно сознавала, что ей не-